

ШЕСТОЙ ПОБЕГ ГЕНЕРАЛА ЗАЙЦЕВА

СРЕДИ БИОГРАФИЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ ОБРАЩАЕТ НА СЕБЯ ВНИМАНИЕ УДИВИТЕЛЬНЫЙ, ЧЕМ-ТО ПОХОЖИЙ НА ДЕТЕКТИВ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ИВАНА МАТВЕЕВИЧА ЗАЙЦЕВА.

Иван Матвеевич Зайцев

появился на свет 21 сентября 1877 года в станице Карагайской II (Верхнеуральского) военного отдела Оренбургского казачьего войска в семье учителя. По окончании четырехклассного городского училища в Верхнеуральске в 1894 году 17-летний Иван тоже стал учителем Фоминской соединенной казачьей школы, но не довольствовался карьерой станичного педагога и поступил на военную службу. Зайцев сдал экзамены на вольноопределяющегося второго разряда, а в сентябре 1896 года был зачислен юнкером в Оренбургское казачье юнкерское училище. В 1898-м он окончил училище с чином подхорунжего, причем первым в своем выпуске, за что был удостоен первой премии князя Е. М. Романовского герцога Лейхтенбергского в размере 100 рублей¹. Жажда знаний не оставила нашего героя, и в 1906 году сотник Зайцев, один из немногих офицеров Оренбургского казачьего войска, успешно поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Учился он на младшем курсе в среднем на 10 баллов из 12 возможных², тем не менее академию закончил только по второму разряду и не был причислен к Генеральному штабу. Вернувшись в родные края, Иван Матвеевич устроился офицером-воспитателем в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, дослужившись к началу Первой мировой до чина подполковника.

На войне

Когда началась война, Зайцев считал своим долгом не отсиживаться в тыловом Оренбурге, хотя как офицер-воспитатель не был обязан идти на фронт. Получив высочайшее разрешение после месячного скитания по различным штабам, он был зачислен в самый почетный для любого офицера-оренбуржца 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк. Служил Иван Матвеевич вместе с будущим оренбургским атаманом Александром Ильичом Дутовым, знакомство с которым впоследствии сильно повлияло на его судьбу.

За годы войны судьба изрядно помогла Зайцеву по фронтовым дорогам. Где он только не был, на каких только должностях не служил: старшим штаб-офицером полка, помощником командира полка по строевой части, временно командующим 7-м Донским казачьим полком, первым помощником командира 11-го Оренбургского казачьего полка и даже председателем полкового суда в 12-м Оренбургском

казачьем полку. Закончил войну полковником, командиром полка, получив целую колодку орденов: Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом³. Но особенно дороги ему были две награды, доставшиеся труднее всего: георгиевское оружие и заветный «Егорий» — орден Св. Георгия 4-й степени.

Зайцев особо отличился 15 февраля 1915 года на позиции у Дуклинского перевала в Карпатах. В тот день еще затемно четыре сотни 1-го Оренбургского казачьего полка под его командованием в целях разведки переправились пешими вброд через реку Сан при этом не замерзла. Казаки неожиданно атаковали австрийцев, вызвали в их рядах панику и, захватив несколько пленных, благополучно вернулись к своим. Вскоре, 27 апреля, во время атаки сильно укрепленного австрийского редута у деревни Ржавенцы Зайцев по собственной инициативе и вопреки запрету командира корпуса генерал-лейтенанта графа Келлера, преодолев проволочные заграждения, атаковал и взял

редут, после чего двое суток отбивал атаки противника. В том бою его казаками было взято в плен 73 австрийца, 2 пулемета и другая добыча, а сам Зайцев был отмечен георгиевским оружием. 15 июля 1916 года уже в чине полковника Иван Матвеевич во главе четырех сотен (280 казаков) 11-го Оренбургского казачьего полка совершил прорыв в австрийский тыл в районе деревни Содово, вынудив их оставить боевой участок. Казаки Зайцева в этом бою захватили 10 орудий, 17 зарядных ящиков в полной запряжке, 8 пулеметов и 1107 пленных. За это лихое дело полковник и получил орден Св. Георгия 4-й степени⁴.

Февральская революция на некоторое время прервала боевой путь казачьего офицера. 24 марта 1917 года он был избран делегатом от Румынского фронта и командирован в Петроград для приветствия Временного правительства. 23 апреля на приеме у военного министра А. И. Гучкова Зайцев, как представитель казачества, был назначен членом Особого совещания при военном министре по преобразованию армии. После расформирования сове-

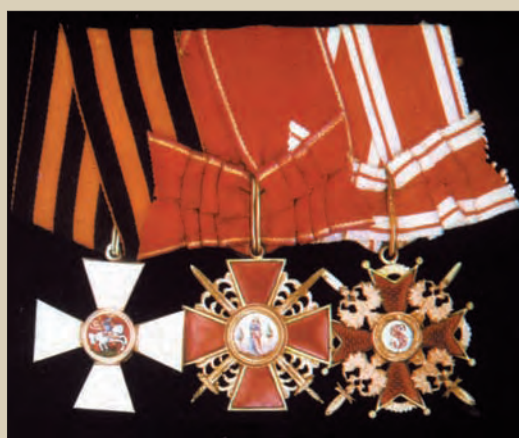
щения был оставлен при кабинете военного министра в качестве советника. Он пробыл в Петрограде до середины июля, когда наконец получил в командование полк — 4-й Исетско-Ставропольский Оренбургского казачьего войска. Вскоре последовало новое назначение — командующий русскими войсками в Хиве и комиссар Временного правительства в Хивинских вла-

управление городом органу Временного правительства и двинулся дальше, на Самарканд и Ташкент. Известие о наступлении Зайцева чрезвычайно испугало руководителей туркестанских большевиков. Совнарком Туркестанского края лихорадочно отдавал приказания с требованиями остановить казаков. На осадном положении была объявлена Среднеазиат-

На второй побег Зайцев решился 1 июля с помощью Туркестанской военной организации (ТВО), у которой, по словам самого беглеца, «были везде связи и свои люди»⁶. Оказавшись на свободе, полковник вошел в состав этой подпольной офицерской организации в качестве исполняющего обязанности начальника штаба. ТВО действовала с лета 1918 года в Ташкенте, имела отделы в Самарканде, Коканде, Красноводске, Асхабаде, Верном и подотделы в более мелких пунктах, вела работу по организации антибольшевистского восстания. Возглавлял организацию Генерального штаба генерал-лейтенант Л. Л. Кондратович, активную роль в ней играли бывший помощник туркестанского генерал-губернатора генерал Е. П. Джунковский, полковник П. Г. Корнилов (родной брат Лавра Георгиевича) и бывший комиссар Временного правительства в Ташкенте адвокат А. Д. Арсеньев.

Зайцеву вручили фальшивые документы на имя землемера Турчанинова и посвятили в дела организации, члены которой были разбиты на шестерки: каждый член организации вербовал еще пятерых, те в свою очередь — еще пятерых каждый и так далее. Вследствие такой конспирации точного числа членов не знали даже руководители. Борцам с большевиками не хватало оружия и денег, с самого начала наметился сепаратизм асхабадского, ферганского, семиреченского и самаркандского отделов, каждый из которых стремился действовать самостоятельно. При этом генерал Кондратович излучал оптимизм, поразивший руководителя британской миссии, появившейся в Ташкенте в середине августа 1918-го. Майор Бейли вспоминал, что русские контрреволюционеры считали положение настолько фантастическим, что сравнивали власть большевиков с 70-дневной Парижской коммуной⁷.

Узнал Зайцев и о том, что ТВО из-за нехватки оружия и денег была вынуждена заключить соглашение с англичанами⁸. Британцы обязывались снабжать организацию, а в случае необходимости планировали оказать и вооруженную поддержку из северных провинций Персии. После свержения советской власти планировалось образовать Туркестанскую Автономную Республику с выборным президентом, кабинетом министров и однопалатным парламентом; новое государство должно было предоставить англича-

Ордена Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Самая почетная и высокая боевая офицерская награда — орден Св. Георгия 4-й степени (лицевая и оборотная стороны).

дениях. Перед полковником стояла нелегкая задача — усмирить туркменское восстание и осуществить необходимые преобразования в Хивинском ханстве. Уже в сентябре 1917-го Иван Матвеевич сумел управиться с отрядами Джунаид-хана, а затем с его помощью усмирить приаральских туркмен. Действия Зайцева активно поддерживали и уральские казаки-староверы, жившие по берегам Аральского моря и на реке Амударье. Из них были сформированы конные команды для борьбы с бандитами, в итоге стихийно образовалось Амударьинское казачье войско, в которое стремились вступить и отдельные местные жители — казахи, узбеки и каракалпаки.

В Туркестане

В Хиве Зайцев встретил известие о перевороте в Петрограде. Сорокалетний полковник не признал новую власть и 10 января 1918 года объявил большевикам войну, выступив во главе своего отряда из Хивы на Чарджуй. Заняв город, Зайцев арестовал членов местного совета и ревкома, передал

скаю железную дорогу. В общей сложности против Зайцева было брошено до трех тысяч красногвардейцев⁵.

Однако плохо обученные и недисциплинированные отряды красных, несмотря на численное превосходство, не могли противостоять частям старой армии. Отряду Зайцева достаточно быстро удалось разбить хивинских большевиков и занять Самарканд. Красные были отброшены на 30 километров от города. Тогда большевики, не сумев справиться с Зайцевым силовым путем, решили подкупить казачий комитет отряда Зайцева. Комитетчики проявили классовую сознательность, военную отказались, постановили разоружиться и выдать Зайцева красным в Ташкент.

Узнав об уготованной ему участи, Иван Матвеевич решил бежать. Русский офицер сильно выделялся на фоне туркмен, и на пятый день его арестовали в Асхабаде. 21 февраля 1918 года революционный суд приговорил полковника к расстрелу, который, впрочем, заменили десятью годами одиночного заключения в Ташкентской крепости.

нам концессии на разработку природных ресурсов. Беглый казачий офицер резко выступил против такого соглашения.

После побега Зайцеву пришлось скрываться почти три месяца: сначала в Ташкенте и его окрестностях, а затем в отдаленных казахских кочевьях в нижнем течении Сырдарьи. Организация выделила ему проводника и переводчика из местного населения по имени Тюлеган и личного адъютанта мичмана Аничкова.

Вскоре подпольная сеть ТВО в Ташкенте была раскрыта. Большевиками были обезоружены рабочие среднеазиатских мастерских и кадры резервной милиции, выявлены склады оружия, а часть сторонников организации арестована. После этого контрреволюционеры сделали ставку на создание серьезной вооруженной силы из отрядов басмачей. Руководить их вербовкой было поручено Зайцеву, как офицеру, которого хорошо знало местное население по 1917 году. Планировалось поставить под ружье около 25 тысяч человек. 25 тысяч винтовок, 40 пулеметов и 16 горных орудий обещали прислать англичане. В качестве начальника штаба к Зайцеву был направлен П. Г. Корнилов. 5 октября

1918 года они выехали в Фергану. Но в разгар подготовки нового выступления пришло известие о новом провале ТВО. Генерал Кондратович получил от англичан деньги и начал закупать лошадей для создания конных частей, что не осталось незамеченным ТуркЧК. Вскоре было арестовано около 50 членов организации, остальным пришлось временно свернуть свою деятельность.

В конце октября Зайцев покинул район Ферганы и направился в окрестности Ташкента. Но хозяева домов, в которых он скрывался ранее, были к тому времени арестованы и расстреляны. Полковник дважды пробирался в Ташкент, но никого из соратников не обнаружил, после чего решил податься в Чимкент и Туркестан, а оттуда пробираться к старому сослуживцу атаману Дутову. В Туркестане Иван Матвеевич нанял проводника, чтобы ехать на Тургай и Кустанай, но, проехав 50 верст, в середине ноября попал под арест. Зайцеву повезло: благодаря подложным документам его не опознали, но в тюрьму все же посадили и даже собирались отправить в Ташкент, что было равнозначно верной гибели. Полковнику удалось предупредить своих людей в Ташкенте, которые сумели дать взятку следственной комиссии, и 24 декабря 1918 года его освободили под надзор милиции. Матерый контрреволюционер даже устроился бухгалтером на советский свинцовый рудник «Аги-Сай», но тайно уехал из Туркестана и скрывался в горах Каратау, а затем стал пробираться в Оренбургские степи.

У атамана Дутова

Свой третий побег неутомимый Зайцев совершил в апреле 1919-го, когда под видом рабочего сумел перейти линию фронта в районе Бохачево и выйти к Троицку, в район расположения Отдельной Оренбургской армии генерал-лейтенанта Дутова. К белым полковник пришел не с пустыми руками. Он имел ценнейшую информацию о ситуации в советском Туркестане, обладал большими связями в регионе. Зайцев был назначен начальником штаба Оренбургского военного округа, затем временно исполнял обязанности начальника штаба у походного атамана Дутова, а вскоре принял ответственный пост начальника штаба Оренбургской армии⁹.

Дутов и Зайцев прибыли к войскам

из Омска в октябре, когда те находились в районе Атбасара и Кокчетова. Полковник принял нелегкое хозяйство. Армия рушилась и безостановочно отступала по голой, безлюдной степи, не имея достаточных запасов продовольствия. В частях свирепствовал тиф, который к середине октября выкосил до половины личного состава. По мнению участника похода Генерального штаба полковника А. Ю. Лейбурга, ответственные за это были сам командарм и его начальник штаба, которые «заботились лишь о своих собственных удобствах и удовольствиях...»¹⁰.

В середине ноября дутовцы продолжали отступать под ударами красных. При 30-градусном морозе войска, не имевшие зимнего обмундирования, должны были совершить пятисотверстный переход по степи до Каркаралинска, а затем двигаться еще 550 верст до Сергиополя. До сих пор неизвестна точная численность погибших в этом походе, получившем название Голодного. Вместе с армией в нем участвовал и генерал-майор Зайцев, произведенный в этот чин не позднее 12 октября 1919 года.

6 января 1920-го Оренбургская армия была расформирована, а все ее армейские части сводились в отряд имени атамана Дутова под командованием генерал-майора А. С. Бакича, вошедший в состав Отдельной Семиреченской армии. После кадровой перестановки Зайцев был вынужден оставить свой пост, а вскоре между ним и Бакичем разразился конфликт. Командующий отрядом выдвинул против Ивана Матвеевича весьма серьезные обвинения — в неисполнении приказа, допущении анархии при расформировании штаба армии и удержании казенных денег, после чего потребовал ареста подозреваемого до выяснения виновных в хищениях армейского имущества¹¹.

К счастью для Зайцева, уже в начале февраля Дутов направил его в Китай в качестве своего полномочного представителя. Так наш герой оказался сначала в Пекине, а затем и в Шанхае. После окончания своей миссии Зайцев остался жить в Китае. И тут ярого врага большевиков подвигло на авантюру, за которую он в конечном итоге заплатил жизнью. Убедившись в тщетности усилий по организации новых очагов борьбы с советской властью, казачий генерал решил перейти к иному, фантастическому методу борьбы — получить советское гражданство и

продолжить сопротивление в качестве законопослушного обывателя.

В СССР

Оказавшись в СССР, Зайцев следующее писал о причинах возвращения: «Я признавал раньше, как главный принцип военно-политической борьбы, международной или классовой, что борьба возможна в пределах допустимого, когда не будут применены такие методы борьбы, которые несомненно приведут к ущербу интересов своего государства и послужат лишь на пользу иностранцам, будут им в угоду.

Исповедуя сей символ, я поступил согласно ему... в 1923 году во время конфликта между СССР и Англией, подав прошение об амнистии. Я исповедую твердо и непоколебимо как морально-политический символ, что в случае опасности извне нашей стране мы должны прекратить политическую вражду, объединиться и сплотиться, чтобы общими усилиями дать грозный отпор»¹². Еще перед отъездом из Китая генерал написал покаянное письмо, в котором подчеркивал свое демократическое происхождение и критиковал эмигрантских лидеров.

На самом деле, как писал Зайцев уже после возвращения из СССР, обострение советско-британских отношений было для него лишь удобным предлогом, чтобы вернуться и получить амнистию. К стремлению оренбургского казака на Родину сочувственно отнеслись советский полпред в Пекине Л. М. Карахан и заведующий консульской частью советского полпредства А. А. Ригин, посчитавшие возвращение генерала хорошим примером для других. Естественно, что поступок Зайцева был резко осужден в эмиграции.

В мае 1924-го он направился в Москву в распоряжение наркомвоенмора Л. Д. Троцкого — врага № 1 для многих ветеранов антибольшевистской борьбы. Возвращенца сопровождали два дипкурьера, а при пересадке в Чите к Зайцеву посадили еще одного попутчика, представившегося сотрудником наркомпроса, который доставил нашего героя аж до его московской гостиницы. Все это было очень подозрительно и заставляло задуматься о возможности выполнения тайного плана антибольшевистской борьбы. На станции Иркутск Зайцев выступил перед красноармейцами, кото-

рым, наверное, никогда не доводилось видеть настоящего белого генерала. Молодежь засыпала Ивана Матвеевича вопросами, а после его речи устроила овацию.

По прибытии в Москву Зайцев был зачислен в резерв высшего командного состава Красной армии. Обсуждался вопрос о назначении генерала начальником штаба инспектора кавалерии РККА или преподавателем восточного отдела Военной академии. Но затем, видимо, в связи с делом Бориса Савинкова, последовали иные предложения. Зайцев был вызван на Лубянку, где его попросили написать и отправить на Дальний Восток открытое письмо эмигрантам. Чекисты узнали о его переговорах с иностранными дипломатами в Пекине об организации новых повстанческих отрядов на территории СССР и о средствах для этой деятельности, хранившихся в Гонконг-Шанхайском банке. Поэтому в конце сентября 1924 года Зайцев был уволен в бессрочный отпуск, а 25 октября арестован ОГПУ. Иван Матвеевич сидел на Лубянке и в Бутырской тюрьме. Следователи интересовались, встречался ли он с Троцким, чем занимался во время революции и Гражданской войны.

Несмотря на трагическое положение «политических преступников», с ними происходили различные комические случаи. Генерал и его сокамерник граф Стенбок-Фермор по ночам регулярно вставали и уничтожали вшей. Зайцев вспоминал: «Стоим, бывало, у лампочки и пощелкиваем. Граф заглядывает ко мне и спрашивает:

— Ну, как, ваше превосходительство, сегодня много у вас?

— Много, — говорю.

— А у меня почему-то мало. Всего лишь с десяток убил.

И в голосе чувствуется недовольство.

— У меня, — говорю я, — сегодня новой породы, большие с черными спинками.

— Это у вас минской породы от соседей справа.

Граф, как знаток определять породы лошадей, не преминул щегольнуть своим знанием и в определении породы вшей.

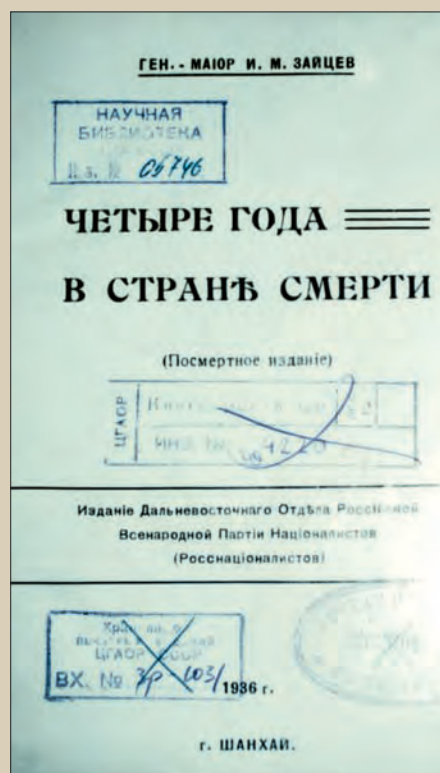
Справа же от меня помещались контрабандисты, прибывшие недавно из минской тюрьмы и с большим запасом насекомых»¹³.

В Бутырках Зайцев просидел до 9 января 1925 года, после чего был на-

правлен в печально знаменитый Соловецкий концлагерь. Свое трехлетнее пребывание в лагере генерал подробно и красочно описал в книге «Соловки». Соловецкий концлагерь показался Зайцеву своего рода моделью СССР: поражало сходство административного и хозяйственного устройства тюрьмы и государственной системы. Первоначально Зайцеву пришлось возить в тачках песок для подсыпки дорог, а затем его назначили «лесокультурным надзирателем». За отказ написать по просьбе начальника лагеря Ф. И. Эйхманса что-либо по истории Гражданской войны в журнал «Соловецкие острова» (отрывки из воспоминаний Зайцева все же были опубликованы там в 1926-м) генерал был отправлен на общие работы, а затем и на лесозаготовки, что для немолодого уже заключенного стало большой проблемой. Летом 1926-го Зайцев вновь устроился в лесничество, но тут на него свалилась новая напасть: за непотушенный костер он был отправлен на Секирную гору — разбирать туалет. «Секирка» была тем местом на Соловках, после пребывания в котором выживали немногие. Это был неотопливаемый штрафизолатор с ледяным бетонным полом,

устроенный внутри православного храма. Для усиления эффекта заключенным оставляли из одежды одно лишь нижнее белье и давали только фунт черного хлеба в сутки. Зайцев просидел там с 20 сентября по 10 декабря 1926 года и выжил.

Пройдя семь кругов ада, опытный конспиратор и подпольщик 3 августа 1928 года совершил свой четвертый побег с пересыльного пункта города Усть-Сысольск, за два дня до отхода парохода, который должен был отвезти генерала на поселение на побережье Северного Ледовитого океана. Поразиительно то, что Зайцев сумел пересечь всю страну и обосноваться на Дальнем Востоке. 17 сентября он по документам землемера Павла Николаевича Голубева устроился на службу в окружное земельное управление Амурского округа, а 26 февраля 1929-го со станции Полярково перешел в Китай. Это был пятый по счету побег Ивана Матвеевича.

В Китае

Русская эмиграция возвращение Зайцева встретила настороженно. Большинство было уверено в том, что он стал агентом кремлевской разведки: из Совдепии белогвардейцы просто так не возвращались. Чтобы развеять

кривотолки относительно своего появления за границей, генерал обратился в редакцию газеты «North China Daily News» с просьбой напечатать небольшую заметку о его пребывании в СССР и обстоятельствах бегства. После этого информацию о Зайцеве опубликовали русские газеты «Слово» и «Шанхайская заря», причем первый из этих органов печати предостерег эмиграцию об опасности контактов с перебежчиком. Зайцев сложившуюся вокруг себя обстановку воспринял крайне болезненно. 9 августа 1929 года он писал в редакцию «Шанхайской зари»: «Какой кошмарный ужас для меня! После четырех лет моих мучений и страданий в тюрьмах, на Соловках и в ссылке; после рискованных скитаний в течение семи месяцев после побега я горел желанием посвятить всю свою жизнь на борьбу с тиранами русского народа; жаждал найти себе смерть в открытом бою с этими отъявленными мерзавцами, от которых я так много перенес глумлений и издевательств. И вдруг мой порыв встретил такую оценку здесь, за границей, куда я попал по причине честного характера; злая, коварная судьба выбросила меня сюда на новые страдания...»

Чтобы окончательно рассеять подозрения, Зайцев попытался связаться с начальником отдела Русского общео-воинского союза (РОВС) в Шанхае генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом и 15 июня 1930 года подал на его имя рапорт с отметкой «Совершенно секретно», приложив к нему несколько документов об истинных целях своей поездки в СССР. Зайцев рассчитывал на то, что Дитерихс назначит суд чести по его делу из георгиевских кавалеров, которому он мог доверить тайну своего неожиданного отъезда из Китая. Однако Дитерихс сообщил, что документы Зайцева пропали, и в дальнейшем он больше не пытался добиться официальной реабилитации. Доверие эмиграции восстановить не удалось, а 12 ноября 1933 года станичный сход шанхайской станицы Оренбургского казачье-

го войска вынес порицание его деятельности и запретил своим членам работать с Зайцевым.

В целях самореабилитации перебежчик активно занялся публицистикой, всячески разоблачая в своих работах большевиков и их политику. В мае 1931 года вышла его первая книга «Соловки», посвященная Международной антикоммунистической лиге.

Свой труд, предварявший «Россию в концлагере» Ивана Солоневича и «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, Зайцев с особым письмом разослал главам правительств ведущих государств мира, главам православных и иных христианских церквей, всем представителям государств в Лиге наций, папе римскому и председателю Лиги прав человека.

Возможно, единственным позитивным фактом в жизни Зайцева в то время стало его назначение по распоряжению руководящего центра начальником Дальневосточного отдела Российской всенародной партии националистов со штаб-квартирой в Шанхае и отделами в других городах. Годы непрерывной борьбы подорвали нервы и здоровье генерала, и 22 ноября 1934 года в возрасте 56 лет он совершил свой последний, шестой, символический побег. Побег в вечность. Тело повесившегося генерала в его комнате обнаружила хозяйка квартиры в доме 24 на рут Дольфус в Шанхае...

Рядом с телом было найдено «Предсмертное заветье» Зайцева: «Отходя в загробный Мир, я заклинаю всех тех, кто, преследуя материальные выгоды, будут оказывать содействие в продлении тирании коммунистов, как... преследователей веры в Единого Истинного Бога, что проклятия из загробного Мира будут посылаемы на головы большевистских доброжелателей.

Аминь.

Добровольно оставляющий земное бытие И. М. Зайцев»¹⁴.

При оформлении статьи использованы обложки и титульные листы книг генерал-майора Зайцева.

Примечания

1. Ежегодно выдавалось две премии: в размере 100 и 50 рублей//Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 185. Оп. 1. Д. 106а. Л. 1; 4 об.
2. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 67, 73, 87, 130.
3. Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 30139. Послужной список № 331-794 (1916 г.). Л. 3.
4. Краткая биография ген.-майора

- Зайцева/Зайцев И. М. Четыре года в стране смерти. Шанхай, 1936;
- Семенов В. Г. Кавалеры ордена Святого Георгия Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1992. С. 37.
- Иноятов Х. Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М. 1984. С. 24.
- И. И. 3. Из недавно пережитого//Соловецкие острова. 1926. Апрель. С. 57.

7. Bailey F. M. Mission to Tashkent. Oxford; New York. 1992. P. 51.
8. РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
9. Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 98.
10. ГАРФ. Ф. 5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 29.
11. Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 1.
12. И. 3. Указ. соч. С. 70-71.
13. Зайцев И. М. Четыре года в стране смерти. Шанхай. 1936. С. 48.
14. Краткая биография ген.-майора Зайцева...